

В живописи нужна светлая интонация

“Картины Зевина прежде всего радуют своей праздничностью, необыкновенной яркостью красок, душевной щедростью, юмором и иронией. Редкий дар, его насмешка над действительностью лишена злобы и ярости. И это признак, по-моему, мудрости художника...” Эти слова Фазиля Искандера определяют смысл творчества одного из колоритнейших живописцев второй половины XX века Евгения ЗЕВИНА.

— Я стал заниматься живописью в семидесятых годах, будучи студентом Архитектурного института. Уже тогда я хотел стать только художником. В те годы в нашей стране господствовал так называемый соцреализм. Однако уже появились и неофициальные художники, называемые нонконформистами. Естественно, они всячески притеснялись властями. Но стремление к истинному, свободному искусству было необычайно велико, что, должен, к сожалению, отметить, в настоящее время отсутствует...

В движении нонконформистов меня привлекала его политическая сторона, а также то, как оно отражало нашу действительность. Я участвовал в 1974 году на выставке работ художников-нонконформистов в Измайловском парке, которая осталась в памяти как народный праздник. Был прекрасный солнечный день, картины были расставлены на поляне, играла музыка. Впервые люди увидели другое, доселе запрещенное, свободное искусство, впервые неофициальные живописцы публично показали свое творчество.

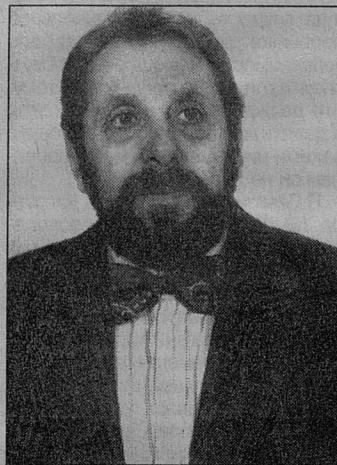
— А знаменитая “бульдозерная” выставка?

— Она была, скорее, политической акцией. Но без нее не было бы последующих наших выставок. После Измайлова искусство несколько оживилось, прежде всего так называемыми квартирными выставками. Они также собирали много народа. Конечно, картины показывались разные — и политической направленности, и просто абстрактные. Естественно, такие выставки преследовались...

— И вас это коснулось?

— В какой-то степени. Проводили со мной беседы, вызывали кое-куда... Очень трудно принимали меня в 1979 году в Московский союз художников — на специальной комиссии. После длительного обсуждения все же приняли — правда, с оговоркой, что из меня “может получиться хороший художник...”

С тех пор прошло более двадцати лет, большинство моих друзей, единомышленников живут за границей. Я же никогда не стремился уехать из своей страны, жил и живу в Москве. За рубеж выезжаю только со своими выставками. Мои работы находятся в музеях и частных коллекциях многих стран. Но жить за границей постоянно мне было бы скучно. Вот, например, Оскар Рабин или Олег Целков. Ныне они живут во Франции, и не могу не сказать, что в Советском Союзе они работали гораздо интереснее, чем сейчас. Тогда в их произведениях был нерв. Вообще искусство советских художников, а мы все вышли из него, от-

Е.Зевин

личалось вот этим творческим нервом. Когда попадаешь в заграничную галерею, где вместе экспонируются картины советских и западных художников, то сразу, издалека узнаешь наши работы, какие бы они ни были — хорошие или плохие, — по драматичности, обостренности восприятия, тревожности. Именно этим нонконформистское искусство в начале 90-х годов покорило западный мир, вызвав настоящий бум. Ведь прежде там не знали ни русского авангарда двадцатых годов, ни современных нонконформистов.

— По образованию вы архитектор, по призванию — прирожденный и уже всеми признанный живописец. Как это получилось?

— Наверное, свою роль сыграли семейные живописные традиции. Мой родственник Лев Зевин был великолепным живописцем, учеником Фалька. В сорок первом он ушел добровольцем на фронт и погиб. Но живопись — это нечто врожденное, это от Бога. Откуда в моих картинах берется тот или иной цвет? Он как бы сам выплескивается на холсты. Но работать с цветом очень трудно. Со сближенными тонами, например, серый к серому, к белому, — проще. Но невероятно сложно, когда рядом

красный, желтый, синий, зеленый. Но именно с ними я стремлюсь решать сложнейшие образные и колористические задачи. Очень важным в живописи считаю построение композиции. А этому также нельзя научить, это также врожденное.

— Ваши работы семидесятых — начала девяностых годов были сильно политизированы. Например, такие широко известные, как триптихи “Пугала” или “Застой”. Но теперь, как мне кажется, вы перешли к натюрмортам без всякого политического подтекста...

— В последние годы у меня появилось желание нести людям больше радости, умиротворения. Мы в свое время боролись против тоталитарного режима. Добились относительной демократии, относительной свободы — по крайней мере в творчестве. Но народу стало жить значительно хуже. Голод, нищета, бытовые неустройства, бандитизм, криминал, войны — ужас какой-то!

Людям надо помочь выжить. Поэтому я стал писать красивые, светлые, декоративные натюрморты, в частности, на любимые мною музикальные мотивы, чтобы доставить зрителям радость, утешение, чтобы им стало легче жить. Кому сейчас, к примеру, нужны гротесковые, шаржированные портреты Хрущева, Брежнева или Ельцина? А красивые натюрморты будут к месту, ко времени...

И еще одно, немаловажное. “Чернушка” заполонила искусство, особенно кино и, конечно, телевидение. Это ведь кошмар какой-то! Смотреть страшно! Я еще в начале 90-х годов, раньше, чем другие художники, понял, что в живописи нужна совершенно другая, светлая интонация. Сейчас время начинает снося меняться, и каким оно будет в дальнейшем — предугадать трудно. Но так или иначе нам нужно возвращаться к прекрасному. Хотя это понятие у каждого художника свое...

— Вы часто выставляетесь?

— Пожалуй, нет. У меня было око-

ло десятка персональных выставок, в основном за границей. Я предпочитаю показывать свои работы в общих, групповых выставках. Когда художник творит в уединении в своей мастерской, у него иногда появляется уверенность в собственной гениальности. Но когда он увидит свои работы рядом с картинами других, более сильных живописцев, вот тогда сможет судить о собственной профессиональной состоятельности.

Мне посчастливилось выставляться рядом с выдающимися живописцами русского авангарда начала века. За это можно все отдать! Я принимал участие в выставке “Художники России — новое поколение”, состоявшейся в 1992 году в Великобритании и организованной Британской Королевской академией; а в 1994 году — в обширной экспозиции “Образцы советского искусства 1950 — 1980 годов” (в Русском музее); в 1996 году — в выставке “Русская живопись XX века” в Великобритании. Мне также повезло довольно успешно четыре раза участвовать на одном из самых известных и престижных аукционах “Филлипс” в Лондоне, и единожды — в “Кристи”.

— Вы избраны вице-президентом Академии российского искусства. Зачем вам, признанному и активно действующему живописцу, участие в каких-либо общественных организациях?

— Я всегда любил быть среди интересных, незаурядных людей. Академия российского искусства собирает выдающихся деятелей искусства и культуры. Ее членами были, например, Дмитрий Лихачев и Булат Окуджава. В нее входят Николай Петров, Фазиль Искандер, Елена Образцова, Элина Быстрицкая, Владимир Васильев, Екатерина Максимова... Быть среди таких людей — великое счастье.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

Е.Зевин. “Реквием по победе”. 1992 г.